

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Затяжные вооружённые конфликты порождают комплекс социально-психологических последствий, среди которых нарастание криминогенного потенциала гражданского населения занимает особое место. Территории, охваченные боевыми действиями в рамках проведения Специальной военной операции, представляют собой пространство, где одновременно разрушаются механизмы правового регулирования, деформируются ценностные системы и накапливается хронический психотравматический опыт. Совокупность этих обстоятельств формирует условия, при которых вероятность перехода населения к противоправным стратегиям поведения существенно повышается.

Между тем отечественная психологическая наука не располагает систематизированной теоретической базой, описывающей механизмы криминализации личности применительно к ситуации длительного вооружённого противостояния умеренной интенсивности. Существующие концептуальные разработки либо ориентированы на условия мирного времени, либо охватывают лишь отдельные грани конфликтного опыта, не складываясь в целостную объяснительную систему.

Цель статьи – систематизировать ведущие теоретические концепции криминализации личности и оценить их объяснительный ресурс применительно к условиям длительного вооруженного конфликта.

Практическая перспектива исследования связана с возможностью использования результатов анализа в качестве теоретической основы при проектировании программ психологической профилактики для жителей

прифронтовых и освобождённых территорий.

Методологический инструментарий включал три взаимодополняющих процедуры. Сравнительно-аналитический метод применялся для оценки объяснительного ресурса различных теоретических школ и выявления их ограничений при переносе на конфликтный контекст; анализ охватывал отечественные и зарубежные публикации за период с 1957 по 2025 год. Многоуровневая классификация позволила упорядочить концепции по уровням детерминации криминального поведения: нейробиологическому, психодинамическому, институциональному, когнитивно-поведенческому и смысловому. Концептуальный синтез обеспечил выявление общих механизмов, характерных для конфликтного контекста, и оценку совокупного объяснительного потенциала рассмотренных подходов.

Исходным условием корректного анализа служит разграничение базовых понятий. Под девиантным поведением понимается широкий класс отклонений от принятых социальных стандартов, включающий как деструктивные, так и конструктивные формы. Делинквентность представляет собой устойчивую склонность к нарушениям правовых норм, не достигающих уголовного порога. Криминализация трактуется как процессуальный феномен – постепенное замещение просоциальных ориентаций криминальными установками, нормами и поведенческими паттернами вплоть до готовности к уголовно наказуемым действиям [2, с. 87]. Принципиально важна именно процессуальная природа криминализации: она разворачивается поэтапно и на ранних стадиях поддаётся коррекции, что создаёт объективную основу для профилактической работы. Данное положение получило методологическое обоснование в диссертационном труде Е.В. Змановской, установившей системный характер детерминации девиантного поведения [6].

Ранние попытки биологического объяснения криминального поведения, представленные концепцией Ч. Ломброзо морфологической предопределённости преступности [7], были отвергнуты современной наукой

по методологическим основаниям. Актуальные нейронаучные данные рисуют принципиально иную картину: снижение активности префронтальных структур, ответственных за торможение импульсивности и оценку последствий поступков, статистически связано с агрессивным поведением, однако не выступает его прямой причиной [14]. Значимость нейробиологического фактора проявляется только при неблагоприятном социальном контексте, он является условием, а не триггером криминализации.

Принципиальным для понимания конфликтного контекста является механизм приобретённых нейробиологических изменений: продолжительное воздействие травматических стрессоров запускает хроническую активацию миндалевидного тела на фоне функционального угнетения префронтальных зон. Следствием этого нейродинамического сдвига становится снижение порога агрессивных реакций у лиц, не имеющих конституциональной предрасположенности к антисоциальному поведению. Тем самым зона профилактического риска оказывается значительно шире, чем предполагают классические криминологические модели.

Психоаналитическая традиция предложила два влиятельных объяснительных конструкта. З. Фрейд связывал нарушения нормативного поведения с дефицитами инстанции Супер-Эго: при её недостаточном формировании требования социальной морали не обретают статуса внутренних регуляторов, оставаясь воспринимаемыми как внешнее давление [9]. А. Адлер указывал на компенсаторную природу ряда антисоциальных действий: ощущение собственной несостоятельности побуждает личность искать способы самоутверждения, в том числе через нарушение социальных норм [1].

Оба конструкта обнаруживают объяснительный потенциал применительно к населению в зоне конфликта. Массовое разрушение привычных источников самоуважения (профессионального положения, социального признания, стабильного жизненного уклада) создаёт почву для

компенсаторной динамики. При отсутствии просоциальных каналов восстановления самооценки эта динамика с высокой вероятностью приобретает деструктивный характер.

Теория аномии, разработанная Э. Дюркгеймом и операционализированная Р. Мертонем применительно к девиантному поведению, описывает состояние нормативной дезориентации, возникающее при утрате регулятивной силы прежних социальных норм в отсутствие сформированных новых [5]. Р. Мертон показал, что при расхождении между культурно одобряемыми целями и доступными законными средствами их достижения индивид с высокой вероятностью выбирает «инновацию» – использование нелегитимных средств. Переходный период в зонах конфликта с характерной сменой властных структур, правовых режимов и систем социального контроля воспроизводит состояние аномии в наиболее острой форме, открывая пространство для криминальных адаптационных стратегий.

Концепция стигматизации (Г. Беккер, Э. Лемерт) дополняет это объяснение, акцентируя роль социальной реакции в формировании криминальной идентичности [3]. Публичное присвоение негативных ярлыков отдельным категориям населения – неизбежный спутник постконфликтной социальной динамики – способно индуцировать вторичную криминализацию у тех, чьё первоначальное поведение не выходило за пределы нормы.

Концепция морального отчуждения А. Бандуры описывает психологические механизмы, позволяющие сохранять позитивный образ себя при нарушении этических норм [12]. К ним относятся переопределение вредоносных действий как служащих высшим целям, дегуманизация жертвы, размывание личной ответственности через апелляцию к коллективным решениям. Военная обстановка создаёт исключительно благоприятные условия для активации перечисленных механизмов: официальный дискурс, групповая сплочённость и повседневная привычность насилия совместно обеспечивают их системную поддержку.

Теория нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матза конкретизирует данный процесс, выделяя типовые риторические стратегии самооправдания: отрицание ответственности («обстоятельства не оставили выбора»), преуменьшение ущерба («реального вреда причинено не было»), делегитимизация жертвы («пострадавшие сами виноваты»), дискредитация обвинителей («те, кто осуждает, ничем не лучше»), отсылка к сверхзначимым целям («иначе было нельзя») [15]. Диагностика преобладающих стратегий нейтрализации у конкретного человека позволяет выстраивать адресные когнитивные интервенции.

Теория общего напряжения Р. Агню трактует противоправное поведение как вынужденный ответ на накопленный стресс, порождаемый тремя источниками: невозможностью достичь желаемого, потерей ценных ресурсов и вынужденным столкновением с негативными обстоятельствами [11]. Конфликт одновременно активизирует все три источника напряжения, превращая деструктивное поведение в функционально понятную, хотя и патологическую, стратегию совладания.

В рамках отечественной психологической традиции противоправное поведение рассматривается через призму деформации мотивационно-смысловой сферы личности [6]: вытеснение просоциальных мотивов эгоцентрическими, утрата жизненных смыслов, образующая экзистенциальный вакуум, заполняемый криминальными ценностями. А.Р. Ратинов описал правовой нигилизм как системную деформацию правосознания, при которой нормы права воспринимаются не как ценностные ориентиры, а как инструмент принуждения, преодолеваемый при первой возможности [8]. По оценке Ю.М. Антоняна, данная деформация складывается на протяжении всей социализации при устойчивом дефиците просоциального подкрепления и активируется именно тогда, когда внешний правовой контроль ослабевает, что неизбежно происходит в зонах вооружённых конфликтов [2, с. 112].

Как отмечают В.Т. Litz и соавторы, концепция морального

повреждения, сформировавшаяся в военной психологии, описывает особое состояние, отличное от ПТСР [13]. Его источником служит не угроза физической безопасности, а участие в событиях, противоречащих фундаментальным нравственным убеждениям личности, или вынужденное их наблюдение. Переживание морального позора и самоотчуждения создаёт мощный внутренний конфликт, для разрешения которого личность нередко прибегает именно к механизмам морального отчуждения: переопределяя допустимое и недопустимое, она снимает невыносимое когнитивное напряжение ценой дальнейшей нравственной деградации. Этот замкнутый цикл представляет собой один из наиболее специфичных для конфликтного контекста векторов криминализации.

Гендерное измерение проблемы требует самостоятельного внимания. Данные постконфликтных исследований Н. Tubex и N. Gately свидетельствуют о том, что женщины вовлекаются в криминальные структуры преимущественно через принудительные механизмы выживания в условиях утраты кормильца и разрушения легальных источников дохода [16]. Вместе с тем они же обнаруживают более выраженный потенциал просоциальной устойчивости и способность выполнять нормостабилизирующую функцию на уровне семьи и ближайшего окружения. Игнорирование гендерной специфики при разработке профилактических программ снижает их эффективность.

Обобщение результатов теоретического анализа позволяет зафиксировать три ключевых положения.

1. Криминализация личности детерминирована на нескольких уровнях одновременно, и каждый из рассмотренных теоретических подходов охватывает лишь один из них. Полноценное объяснение данного феномена возможно только при интегративном подходе, учитывающем взаимодействие нейробиологических, психодинамических, институциональных, когнитивных и смысловых факторов.

2. Процесс криминализации не является необратимым. Выявленные

механизмы (нормативная дезориентация, угасание эмпатии, развёртывание когнитивных защит, смысловая дезинтеграция, ослабление социальных привязанностей) поддаются целенаправленному психологическому воздействию. Это делает профилактическую работу не только возможной, но и практически необходимой.

3. Условия затяжного вооружённого конфликта умеренной интенсивности формируют уникальное сочетание криминогенных факторов (хроническое накопление психотравматического опыта, длительная нормативная дезорганизация, распространённость морального повреждения, привыкание к насилию как норме повседневности), которое не описывается в полной мере ни одной из существующих теорий. Разработка эмпирически верифицированной классификации таких факторов применительно к населению территорий, затронутых СВО, представляет собой приоритетную задачу дальнейших исследований.

Перспективой дальнейших исследований является эмпирическая верификация выявленных механизмов криминализации личности в условиях проведения СВО, для чего может быть применена методика нарративного психологического анализа травматического опыта, разработанная В.И. Шебановой и С.Г. Шебановой [10].

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека / Пер. с нем. Е. А. Цыпина. СПб. : Академический проект, 1997. 256 с.
2. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2020. 448 с.
3. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / Пер. с англ. Н. Г. Фархатдинова ; под ред. А. М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2018. 272 с.
4. Братусь Б. С. Аномалии личности. М. : Книга по требованию, 2024. 423 с.

5. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. А. Н. Ильинский ; под ред. В. А. Базарова. М. : Юрайт, 2025. 316 с.
6. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход : дис д-ра психол. наук. СПб., 2006. 446 с.
7. Ломброзо Ч. Преступный человек / Пер. с итал. М. : Эксмо, 2005. 876 с.
8. Ратинов А. Р. Избранные труды / Сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; предисл. О. Д. Ситковской. М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 212 с.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / Пер. с нем. М. : Азбука, 2014. 480 с.
10. Шебанова В. И., Шебанова С. Г. Методика нарративного психологического анализа кризисных/травматических событий // Проблемы и перспективы психологической науки в России. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Севастополь, 2024. С. 141–146.
11. Agnew R. Pressured into crime: An overview of general strain theory. Los Angeles: Roxbury Publishing Company, 2006. 206 p.
12. Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. 1999. № 3 (3). P. 193–209. DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3.
URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1207/s15327957pspr0303_3 (дата обращения: 18.05.2026).
13. Litz B. T., Stein N., Delaney E. [et al.]. Moral Injury and Moral Repair in War Veterans: A Preliminary Model and Intervention Strategy // Clinical Psychology Review. 2009. Vol. 29. № 8. P. 695–706.
14. Siever L. J. Neurobiology of Aggression and Violence // American Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 165. № 4. P. 429–442. DOI: 10.1176/appi.ajp.2008.07111774.
URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4176893/> (дата обращения: 18.05.2026).

15. Sykes G. M., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. № 6. P. 664–670. URL: https://www.antonioacasella.eu/nume/sykes&matza_1957.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

16. Tubex H., Gately N. Women's Pathways into Prison: Cycles of Harm // Women & Criminal Justice. 2025. № 1–17. DOI: 10.1080/08974454.2025.2532433. URL: <https://doi.org/10.1080/08974454.2025.2532433> (дата обращения: 20.05.2026).

Аннотация

Жанова Д. А. Криминализация личности в условиях вооружённого конфликта: анализ теоретических подходов

В статье систематизированы и проанализированы ведущие теоретические подходы к объяснению криминализации личности в условиях длительного вооружённого конфликта. Рассмотрены нейробиологические, психодинамические, социологические и когнитивно-поведенческие концепции; оценен их объяснительный ресурс применительно к специфике хронической психотравматизации, нормативной дезорганизации и морального повреждения. Показано, что ни одна из существующих теорий не охватывает в полной мере криминогенный потенциал затяжного конфликта низкой интенсивности. Полученные результаты формируют теоретическую базу для разработки программ психологической профилактики.

Ключевые слова: криминализация личности, вооруженный конфликт, моральное повреждение, моральное отчуждение, правовой нигилизм, anomia.

Summary

Zhanova D. A. Criminalization of Personality in the Context of an Armed Conflict: an Analysis of Theoretical Approaches

The article systematizes and analyzes leading theoretical approaches to the explanation of personality criminalization under conditions of a prolonged armed conflict. It examines neurobiological, psychodynamic, sociological, and cognitive-

behavioral concepts and assesses their explanatory potential with respect to the specifics of chronic psychotraumatization, normative disorganization, and moral injury. It is shown that none of the existing theories adequately captures the criminogenic potential of a protracted low-intensity conflict. The findings provide a theoretical foundation for the development of psychological prevention programs.

Keywords: personality criminalization, armed conflict, moral injury, moral disengagement, legal nihilism, anomie.